
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 159.9+316

DOI: 10.17853/1994-5639-2023-1-142-170

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Ю. М. Забродин

*Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия.
E-mail: zabrodinym@mgppu.ru*

Е. Л. Солдатова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: e.l.soldatova@spbu.ru*

О. О. Андронникова¹, Ю. М. Перевозкина²

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.
E-mail: ¹andronnikova_69@mail.ru; ²per@bk.ru*

Аннотация. Введение. Феномен одиночества многомерен и неоднозначен. Отношение к одиночеству разнородно и опосредовано в числе многих факторов культурными и этническими особенностями. Территориальная близость и исторически обусловленные связи и миграции населения урало-сибирских территорий и Казахстана позволяют проводить межкультурные и межэтнические исследования. Изучению специфики переживания одиночества студентами первого курса – представителями этих народов – посвящено данное исследование. Особенно актуальной проблема одиночества становится в результате роста тревожных и депрессивных состояний, а иногда и суицидального и виктимного поведения первокурсников.

Цель исследования – выявление этнических аспектов субъективного переживания одиночества студентами первого курса, обучающихся в России и Казахстане. Представлены данные исследования, рассматривающего специфику переживания одиночества студентами разной этнической принадлежности (русские, казахи) в количестве 197 человек (119 юношей и 78 девушек).

Дизайн исследования предполагал определение факторов одиночества по всей эмпирической выборке (факторный анализ) с последующим расчетом для каждого респон-

дента значений по полученным факторам и сравнение студентов – отдельно юношей и девушек казахской и русской этнической принадлежности.

Методы (инструменты). В исследовании использовались комплекс методик для изучения одиночества, шкала самооценки депрессии Зунга и анкета Г. Р. Шагивалеевой для выявления уровня и характера одиночества.

Результаты. В процессе исследования установлено, что компонентный состав одиночества может быть представлен тремя факторами: депрессивное переживание одиночества, позитивное переживание одиночества, переживание одиночества в межличностных отношениях. Обнаружено, что позитивное переживание одиночества в большей степени свойственно девушкам, чем юношам ($p = 0,02$). У студентов казахской этнической принадлежности более выражено негативное восприятие одиночества ($p = 0,007$), актуализирующее депрессивные тенденции. Для девушек казахской этнической принадлежности усиливает чувство одиночества отделение от родительской семьи ($p < 0,05$).

Научная новизна. Представленные результаты раскрывают многомерный характер феномена одиночества, который эксплицирует неоднозначность отношения к нему и придает особый вес ценностному отношению к одиночеству в культуре. Выявлены различия в переживании одиночества студентами, обусловленные спецификой этнической принадлежности.

Теоретическая значимость исследования обуславливается выявленными закономерностями в компонентном составе переживания одиночества студентами двух этнических групп (русские и казахи), его содержательным наполнением и полоролевой спецификой.

Практическая значимость. Эмпирические данные способствуют пониманию этнических особенностей переживания одиночества студентами и могут выступать основой для разработки программ сопровождения, воспитательной работы в образовательных учреждениях, повышающих психологическое благополучие.

Ключевые слова: переживание одиночества, этническая принадлежность, отношение к одиночеству, студенты университета, психологическое здоровье.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам за ценные замечания, позволившие улучшить качество статьи.

Для цитирования: Забродин Ю. М., Солдатова Е. А., Андронникова О. О., Первозкина Ю. М. Этническая принадлежность как фактор субъективного переживания одиночества в студенческом возрасте // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 1. С. 142–170. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-1-138-166

ETHNICITY AS A FACTOR IN THE SUBJECTIVE EXPERIENCE OF LONELINESS IN STUDENTS

Yu. M. Zabrodin

Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia.
E-mail: zabrodinym@mgppu.ru

E. L. Soldatova

St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

O. O. Andronnikova¹, Yu. M. Perevozkina²

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: ¹andronnikova_69@mail.ru; ²per@bk.ru

Abstract. *Introduction.* The phenomenon of loneliness is multidimensional and ambiguous. Attitudes to loneliness are heterogeneous and mediated, among many factors, by cultural and ethnic features. Territorial proximity and historically conditioned relations and migrations of Ural-Siberian territories and Kazakhstan allow conducting intercultural and interethnic research. This research is devoted to the study of specifics of loneliness experience by first-year students – representatives of these nations. The problem of loneliness becomes especially urgent as a result of growth of anxious and depressive states, and sometimes suicidal and victim behaviour among first-year students.

Aim. The aim of the current research is to identify ethnic aspects of the subjective experience of loneliness of first-year students studying in Russia and Kazakhstan. The research examines the specifics of experiencing loneliness by students of different ethnic backgrounds (Russians, Kazakhs), 197 students (119 males and 78 females).

Research design. The research design involved the determination of loneliness factors for the entire empirical sample (factor analysis) with subsequent calculation of the values of the received factors for each respondent. Then students were compared separately for boys and girls of Kazakh and Russian ethnicity.

Measurements. To conduct the research, the authors used a set of methods to study loneliness, Zung Self-Rating Depression Scale and a questionnaire to identify the level and nature of loneliness by G. R. Shagivaleeva.

Results. The authors found that the component composition of loneliness can be represented by three factors: depressive experience of loneliness, positive experience of loneliness, experience of loneliness in interpersonal relationships. It was revealed that students of Kazakh ethnicity expressed a negative perception of loneliness ($p = 0.007$), actualising depressive tendencies. A positive experience of loneliness is more characteristic of girls than boys ($p = 0.02$). For girls of Kazakh ethnicity, separation from the parental family enhances the feeling of loneliness ($p < 0.05$).

Scientific novelty. The presented research results confirm the multidimensional nature of the phenomenon of loneliness, which determines the ambiguity of attitudes towards it and gives special weight to the value attitude towards loneliness in culture. Differences in the experience of loneliness by students, due to the specifics of ethnic attitudes, are revealed.

Theoretical significance of the study is determined by the identified regularities in the component composition of the experience of loneliness by students of two ethnic groups (Russians and Kazakhs), its content and gender-role specificity.

Practical significance. Empirical data contribute to the understanding of the ethnic characteristics of students' experiences of loneliness and can serve as the basis for the development of university programmes that enhance psychological well-being.

Keywords: experience of loneliness, ethnicity, attitude to loneliness, university students, psychological health.

Acknowledgements. The authors thank the reviewers, who made valuable comments to this paper to improve its quality.

For citation: Zabrodin Yu. M., Soldatova E. L., Andronnikova O. O., Perevozkina Yu. M. Ethnicity as a factor in the subjective experience of loneliness in students. *The Education and Science Journal*. 2023; 25 (1): 138–166. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-1-142-170

LA PERTENENCIA ÉTNICA COMO FACTOR DE EXPERIENCIA SUBJETIVA DEL SENTIMIENTO DE SOLEDAD EN LA EDAD ESTUDIANTIL

Yu. M. Zabrodin

Universidad Estatal de Psicología y Pedagogía de Moscú, Moscú, Rusia.
E-mail: zabrodinym@mgppu.ru

E. L. Soldatova

Universidad Estatal de San Petersburgo, San Petersburgo, Rusia.
E-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

O. O. Andronnikova¹, Yu. M. Perevozkina²

Univesidad Pedagógica Estatal de Novosibirsk, Novosibirsk, Rusia.
E-mail: ¹andronnikova_69@mail.ru; ²per@bk.ru

Abstracto. *Introducción.* El fenómeno de la soledad es multidimensional y ambiguo. La actitud hacia la soledad es heterogénea y está mediatizada, entre muchos factores, por características culturales y étnicas. La proximidad territorial, así como los lazos históricos y las migraciones determinadas de la población de los territorios Uralo-Siberianos y de Kazajstán hacen posible llevar a cabo investigaciones de tipo intercultural e interétnico. Esta investigación está dedicada al estudio de los detalles de experimentar el sentimiento de soledad por parte de los estudiantes de primer año, que en su momento representan a los pueblos de estas naciones.

Objetivo de la investigación. Identificar los aspectos étnicos de la experiencia subjetiva del sentimiento de soledad de los estudiantes de primer año que cursan sus carreras en Rusia y Kazajstán. Se presentan los datos de un estudio que considera las especificidades de experi-

mentar la soledad por parte de estudiantes de diferentes etnias (rusos, kazajos) con un total de 197 personas (119 chicos y 78 chicas).

El diseño de la investigación supuso la determinación de los factores de soledad para toda la muestra empírica (análisis factorial), seguido del cálculo de los valores de los factores obtenidos para cada encuestado y la comparación de los estudiantes, por separado, chicos y chicas pertenecientes a la etnia kazaja y por otro lado, los chicos y chicas de etnia rusa.

Resultados. En el proceso de la investigación se estableció que los componentes que integran la soledad pueden ser representados por tres factores: Experiencia depresiva del sentimiento de soledad, experiencia positiva del sentimiento de soledad, experiencia de la soledad en las relaciones interpersonales. Se encontró que una experiencia positiva del sentimiento de soledad es más propio de las chicas que de los niños ($p = 0,02$). Los estudiantes de etnia kazaja tienen una percepción negativa de la soledad más pronunciada ($p = 0,007$), lo que actualiza las tendencias depresivas. Para las jóvenes de etnia kazaja, la separación de la familia paterna aumenta el sentimiento de soledad ($p < 0,05$).

Novedad científica. Los resultados presentados revelan el carácter multidimensional del fenómeno de la soledad, lo que explica la ambigüedad de las actitudes hacia ella y otorga especial peso a la actitud valorativa hacia la soledad en la cultura. Se revelan diferencias en la experiencia del sentimiento de soledad de los estudiantes, debido a las especificidades de la pertenencia étnica.

Significado práctico. Los datos empíricos contribuyen a la comprensión de las características étnicas de la vivencia de la soledad por parte de los estudiantes y pueden servir de base para el desarrollo de programas de apoyo, trabajo educativo en instituciones educativas que incrementen el bienestar psicológico.

Palabras clave: experiencia del sentimiento de soledad, etnia, actitud ante la soledad, universitarios, salud psicológica.

Agradecimientos. Los autores expresan su agradecimiento a los revisores por los valiosos comentarios que han permitido mejorar la calidad del artículo.

Para citas: Zabrodin Yu. M., Soldatova E. L., Andronnikova O. O., Perevozkina Yu. M. La Pertenencia étnica como factor de experiencia subjetiva del sentimiento de soledad en la edad estudiantil. *Obrazovanie i nauka = Educación y Ciencia.* 2023; 25 (1): 138–166. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-1-142-170

Введение

Поступление в вуз является важным событием в юношеском возрасте, связанным со структурными и социальными изменениями. В исследованиях К. Diehl с коллегами подтверждено влияние этих изменений на межличностные отношения, социальный статус, роли, самоопределение молодых людей [1]. В. Dagnew, Н. Дагне связывают начало обучения с изменением места жительства, что, с одной стороны, предоставляет много возможностей, с другой – влечет за собой риски: переживание одиночества в новой среде (зачастую – в новом городе) и отсутствие близких доверительных от-

ношений в новых условиях [2]. А. S. Wawera, A. Mccamley подчеркивают, что первокурсники более подвержены одиночеству, возможно, в результате недостаточности времени для адаптации к новой среде [3]. При этом, по данным А. С. Hauley с соавторами, начало обучения может привести как к эмоциональному одиночеству в результате отсутствия эмоционально близких отношений (субъективный аспект), так и к социальному одиночеству из-за отсутствия сети социальных отношений (объективный аспект) [4].

Понятие «одиночество» определяется через множество дефиниций, что обусловлено сложным составом описываемого явления, его сущностной разницей. Проводя анализ проблемы одиночества в современной психологии, О. А. Лиджиева с коллегами отмечают тенденцию выделения видов одиночества через дихотомии: позитивное (уединенность) и негативное (изоляция) одиночество; объективное (социальное) и субъективное (психологическое) состояние одиночества [5]. Причина такой противоречивости может быть скрыта в бинарной сущности самого человека, одновременно нуждающегося в единении с другими людьми и автономии. В самом общем виде феномен одиночества можно рассматривать как субъективное внутреннее переживание, возникающее в ответ на отсутствие или специфику взаимодействия с другими людьми.

И. М. Слободчиков считает, что, несмотря на крайнюю амбивалентность переживания одиночества в юношеском возрасте (с одной стороны, это сложное и болезненное переживание, с другой – потребность, позволяющая решить возрастные задачи), увеличение реального одиночества в отрыве от семьи приводит к возрастанию рисков его негативного переживания [6].

Исследования R. Ma, F. Mann, J. Wang et al. подтверждают, что переживание одиночества оказывает влияние на здоровье, в том числе психологическое [7]. V. H. Menec et al. в качестве механизма такого влияния рассматривают психологический дистресс [8]. Среди последствий переживания одиночества ряд авторов выделяет риск смертности (L. A. Rico-Urbe et al. [9]), увеличение заболеваемости (N. Martín-María et al. [10]; A. Stickley, A. Koynagi [11]), рост тревожных и депрессивных состояний (T. Matthews et al. [12]; J. C. McIntyre et al. [13]), рост суицидального поведения (L. A. Rico-Urbe et al. [9]; N. M. L. Wong, P. P. S. Yeung, T. M. C. Lee [14]), виктимного поведения (T. Matthews et al. [12]); в целом нарушение психологического здоровья, заключающегося в способности справиться со стрессом при эффективной реализации собственного потенциала и адаптивности (N. Martín-María et al. [7]). В этом свете все большую актуальность приобретает проблема субъективного и объективного переживания человеком одиночества, влияющего на адаптацию к возникающей реальности, что широко представлено в исследованиях А. Rokach [15], G. B. Ababu, [16], Ж. В. Пузанова [17]. Все

это обуславливает необходимость планирования специальных программ по снижению последствий субъективного и объективного одиночества в рамках программ психологического сопровождения адаптации первокурсников в университетах.

В цели нашего исследования входило выявление специфики переживания одиночества у представителей двух этнических групп – русских и казахов, расположенных географически рядом и имеющих тесный обмен студентами на основе программ академической мобильности.

Гипотеза, подлежащая проверке: существует этническая специфика в субъективном переживании одиночества студентами.

В исследовании предпринята попытка осветить следующие исследовательские вопросы:

1. Существует ли разница компонентного состава одиночества у представителей двух этнических групп – русских и казахов?
2. Наблюдаются ли различия в переживании одиночества студентами, обусловленные спецификой этнического отношения?
3. Существуют ли полоролевые особенности переживания одиночества у студентов двух этнических групп – русских и казахов?

Ограничение исследования связано с его пилотажным характером (ограниченность выборки двумя приграничными территориями).

Обзор литературы

Рассматривая одиночество как психический феномен, принято описывать его в таких категориях, как чувство (переживание своей отчужденности), процесс (отторжение общепринятых норм и ценностей, приводящее к утрате статуса субъекта социальной жизни), отношение (неспособность принятия мира), потребность (осознанное нежелание поддерживать близкие отношения), состояние (потеря внутренней целостности). Существуют различные классификации видов одиночества по критериям: субъективность/объективность; добровольность/принудительность; длительность; позитивная/негативная оценка личностью и др. Так, Г. Р. Шагивалеева рассматривает одиночество как сложный феномен, имеющий множество форм, классифицируемых по трем основаниям: уровням взаимодействия человека с окружающим миром; временной протяженности; происхождению [18]. И. Р. Муртазина, отмечая многомерность феномена одиночества, выделяет позитивные и негативные его модальности [19].

Негативный модус одиночества присутствует в описаниях большинства исследователей (Г. Р. Шагивалеева [18], V. Lykes, M. Kemmelmeier [20], V. H. Menes et al. [8]), которые рассматривают одиночество как негативное

явление, приводящее к ущербу для психологического и социального благополучия. Вместе с тем в последнее десятилетие распространение получил подход, определяющий ресурсные свойства феномена одиночества (Ж. В. Пузанова [18]; Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев [21]).

Анализ исследований причин возникновения переживания одиночества позволяет в качестве основных детерминант выделить изменения в специфике организации быта [1]; стресс, связанный с переходом из школы к университету [16]; смену места жительства [22]; тоску по дому [22]; отсутствие партнера или близких друзей [1; 16].

Кроме того, согласно А. Rokach [15], значимыми факторами переживания одиночества выступают половая принадлежность (женщины переживают одиночество острее) и этнос. Так, по данным автора, важными этническими характеристиками, влияющими на специфику переживания одиночества, выступают индивидуализм/коллективизм; представления о мужественности и женственности; сила семейных связей и ожидание их наличия. При отсутствии тесных связей в коллективистских этносах возникает более острое переживание одиночества, чем в этносах с индивидуалистическими ценностями.

Этнос, согласно Ю. В. Бромлею [24], рассматривается как совокупность людей, которая сложилась исторически и обладает стабильными и общими особенностями культуры и психики. Этнос выступает более целостной и интегральной характеристикой общности, а культура – ее непременным атрибутом [24]. Этническая принадлежность понимается как включенность человека в определенную этническую группу с присвоением себе соответствующего языка, традиций, ценностей и уклада жизни и др. [24].

Рассматривая различия и этнокультурное своеобразие России и Казахстана, Т. В. Бендас [23] вводит понятие культурной дистанции, утверждая, что российская и казахская культуры по содержанию являются промежуточными.

Культурная дистанция между ними, основанная на «отношении казахской культуры ... к типу коллективистских и маскулинных», а российской культуры – «к коллективистской, индивидуалистической и фемининной» [23, с. 7], невелика, но, очевидно, достаточна для проявления специфики переживания объективного и субъективного одиночества.

V. Lykes, M. Kemmelmeier считают, что существующее понимание вопросов одиночества в зависимости от этнического отношения к нему может варьироваться от рассмотрения его как паталогического феномена до возвышения как средства сакральной трансформации и единственного пути зрелой личности [20].

Н. С. Поздеева обращает внимание, что в исследованиях российских традиций отношения к одиночеству наблюдается дуализм его восприятия с

перевесом отрицательного полюса отношения [25]. Тем не менее автор отмечает, что достаточно часто в русских традициях одиночество рассматривается как состояние, необходимое для духовно-нравственного развития человека [25].

Своеобразно восприятие одиночества в культуре казахского этноса, берущего, по мнению Г. К. Абдигалиевой, основу в традициях номадов-кочевников, опирающихся на культурный синкретизм, выражающийся в нерасторжимом единстве материального и духовного, природы и человека, индивида и социума [26]. Специфика казахской номадической культуры, заключающаяся, как считает А. Б. Алтыбаев, в необходимости принадлежности к группе, в рамках которой осуществляется помощь в решении актуальных задач, приводит к восприятию изгнания из рода как к тяжелейшему из возможных наказаний [27].

Анализ традиционных и современных подходов к исследованию одиночества, в том числе в связи с этнической принадлежностью, позволил нам сформулировать исследовательскую проблему. С одной стороны, существует множество подходов к изучению переживания одиночества и причин его возникновения; описаны виды и отношения; особенности переживания, но с другой – недостаточно еще эмпирических данных об этнических особенностях, влияющих на характер, динамику и опыт переживания одиночества. Исследование одиночества на выборках студентов-первокурсников – представителей казахского и русского этноса, оторванных от носителей родной культуры (родительской семьи, друзей, использования родного языка и т. д.) в связи с необходимостью переезда, представляется нам перспективным направлением для расширения понимания особенностей переживаний одиночества студентами и организации их психологического сопровождения с учетом рисков и ресурсов, опосредованных культуральной принадлежностью и традициями.

Методология, материалы и методы

Методологическими основаниями исследования одиночества выступили положения Д. Рассела и М. Фергюссона [28], позволяющие дифференцировать объективные и субъективные аспекты переживания одиночества. Подход к пониманию одиночества как многомерного явления, включающего в себя и негативные, и позитивные аспекты, опосредован работами Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева [21]. Определение этнической принадлежности как фактора, определяющего специфику переживания одиночества, происходило с опорой на теорию культурной дистанции Т. В. Бендас [23]. Принцип диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности позволяет

рассмотреть одиночество как индивидуальный феномен и как социальное явление. Использование системного подхода, понимающего человека в его взаимосвязи с обществом, позволило рассмотреть одиночество многомерно как социальное и личностное явление, выявить существенные характеристики одиночества.

Анализ литературных источников проводился по материалам международных баз данных Scopus, Web of Science, Google Scholar, а также данным научной электронной библиотеки РФ на платформе eLIBRARY.RU с глубиной поиска 20 лет. Исследование содержания литературных источников проводилось как с помощью традиционных способов, так и с использованием контентного, контекстного и эвристического анализа информации.

С целью выявления этнических нюансов субъективного переживания студентами одиночества была сформирована эмпирическая выборка, которую составили студенты 1–2 курсов двух этнических групп (197 человек): русские (105 человек), казахи (92 человека), из них 119 юношей и 78 девушек. Все респонденты на момент обследования проживали отдельно от своих семей в общежитии вуза или в арендованной квартире.

Основными эмпирическими методами выступили психологическое тестирование и анкетирование респондентов. Для проведения исследования использовался комплекс методик для изучения одиночества: шкала субъективного ощущения одиночества (UCLA Loneliness Scale) Д. Рассела, А. Пепло, М. Фергюссона¹; дифференциальный опросник переживания одиночества Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева (ДОПО) [21]; шкала самооценки депрессии Зунга (Цунга)²; анкета Г. Р. Шагивалеевой для выявления уровня и характера одиночества [29].

Дизайн исследования предполагал определение факторов одиночества по всей эмпирической выборке (эксплораторный факторный анализ) с последующим расчетом для каждого респондента z-значений по полученным факторам. Далее проводился конфирматорный факторный анализ по каждой этнической группе с целью подтверждения инвариантности факторов. Затем осуществлялось сравнение студентов, отдельно юношей и девушек казахской и русской этнической принадлежности по определенным ранее факторам одиночества (многофакторный дисперсионный анализ – MANOVA).

¹ Практикум по психологии состояний: Учебное пособие / Под ред. проф. А. О. Прохорова. Санкт-Петербург: Речь. 2004. 480 с.

² Там же.

Результаты исследования

Результаты исследования по методике Д. Рассела, Л. Пепло, М. Фергюсона выявили средний уровень по показателям испытуемых переживаемого одиночества у 48%, низкий у 45%, высокий у 7%. По данным дифференциального опросника переживания одиночества Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева, измеряющего одиночество как многоаспектный феномен, яркую выраженность негативного типа переживания одиночества демонстрирует 15 % респондентов.

Качественный анализ данных студентов с выраженным негативным типом переживания одиночества показывает, что у них отсутствуют значимые связи с окружающими людьми, с которыми возможен близкий контакт; «образ Я» включает категорию «самоопределение одинокого человека»; пребывание в одиночестве связано с негативными чувствами (тоска, безнадежность, депрессия, страх, отчаяние, отсутствие контактов); сам феномен одиночества оценивается деструктивно; выражено стремление избежать одиночества и потребность общения. Это подтверждается данными, полученными по методике Г. Р. Шагивалеевой для выявления уровня и характера одиночества. 81 % студентов из группы с выраженным негативным проявлением одиночества показали по методике «Шкала самооценки депрессии» Зунга (Цунга) результаты, которые соответствуют состоянию легкой депрессии невротического или ситуативного характера.

Вместе с тем достаточно велико количество студентов, рассматривающих одиночество как положительное явление и состояние, стремящихся к уединению и отмечающих его продуктивные аспекты. Амбивалентность феномена одиночества выражается в том, что одни и те же студенты показали одновременно высокие показатели по шкалам «общее переживание одиночества» (преимущественно – «проблемное») и «позитивное одиночество». Это свидетельствует о сложных эмоциональных переживаниях, о том, что одиночество может восприниматься и как ресурс, позволяющий реализовать задачи обучения, и как препятствие эффективному обучению.

Анализ, проведенный с учетом этнической принадлежности студентов, свидетельствует о выраженной этнической разнице в переживании одиночества (таблица 1).

Таблица 1

Распределение показателей выраженности одиночества по шкалам ДОПО

Table 1

Distribution of indicators of the severity of loneliness on the scales
of Multidimensional Inventory of Loneliness Experience

Субшкалы и шкалы <i>Sub-scales and scales</i>	Средний показатель у испытуемых <i>The average score for the test subjects</i>	Средний показатель в группе «Русские» <i>The average indicator for the group "Russians"</i>	Средний показатель в группе «Казахи» <i>The average indicator for the group "Kazakhs"</i>
Изоляция <i>Insulation</i>	10,8	10,03	11,32
Самоощущение <i>Self-awareness</i>	10,6	9,61	11,12
Отчуждение <i>Alienation</i>	11,3	10	11,78
Дисфория <i>Dysphoria</i>	11,4	10,81	11,52
Проблемное одиночество <i>Problematic loneliness</i>	12,9	12,33	13,15
Потребность в компании <i>Need for a company</i>	12,5	12,88	12,37
Радость уединения <i>The joy of solitude</i>	10,6	9,9	11,1
Ресурс уединения <i>Privacy resource</i>	16,4	16,32	16,57
Общее переживание одиночества <i>General experience of loneliness</i>	32,7	29,64	34,09
Зависимость от общения <i>Communication addiction</i>	36,6	35,9	36,7
Позитивное одиночество <i>Positive loneliness</i>	26,8	25,83	27,4

В дальнейшем был проведен факторный анализ по методу главных компонент с вращением varimax normalised на общей выборке респондентов для выделения факторов. В результате выделены три фактора, представленные в таблице 2, объясняющие более 70 % общей дисперсии. Анализ содержания факторов позволил идентифицировать их следующим образом: депрессивное переживание одиночества – фактор 1; позитивное переживание одиночества – фактор 2; переживание одиночества в межличностных отношениях – фактор 3.

Таблица 2

Факторный анализ выраженности одиночества
по общей выборке респондентов

Table 2

Factor analysis of the severity of loneliness
in the general sample of respondents

Методика исследования <i>Research methodology</i>	Переменные <i>Variables</i>	Факторы <i>Factors</i>		
		Депрессивное переживание одиночества <i>Depressive experience of loneliness</i>	Позитивное переживание одиночества <i>Positive experience of loneliness</i>	Переживание одиночества в межличностных отношениях <i>Experience of loneliness in interpersonal relationships</i>
Шкала субъективного ощущения одиночества <i>UCLA Loneliness Scale</i>	Одиночество <i>Loneliness</i>	0,51	-0,14	0,14
Дифференциальный опросник переживания одиночества <i>Differential Loneliness Experience Questionnaire</i>	Изоляция <i>Insulation</i>	0,84	-0,15	0,02
	Самоощущение <i>Self-awareness</i>	0,80	-0,04	0,10
	Отчуждение <i>Alienation</i>	0,81	0,19	-0,06
	Общее переживание одиночества <i>General experience of loneliness</i>	0,98	-0,00	0,03
Шкала самооценки депрессии <i>Zung Self-assessment scale of Zung depression</i>	Депрессия <i>Depression</i>	0,66	0,25	0,04

Дифференциальный опросник переживания одиночества <i>Differential loneliness experience questionnaire</i>	Позитивное одиночество <i>Positive loneliness</i>	0,03	0,97	-0,02
	Дисфория <i>Dysphoria</i>	0,17	-0,53	0,12
	Радость уединения <i>The joy of solitude</i>	0,19	0,80	-0,01
	Ресурс уединения <i>Privacy resource</i>	-0,13	0,87	-0,01
	Зависимость от общения <i>Communication addiction</i>	0,09	-0,17	0,97
	Проблемное одиночество <i>Problematic loneliness</i>	0,12	0,19	0,83
	Потребность в компании <i>Need for a company</i>	-0,05	-0,05	0,85
Собственные значения <i>Eigenvalues</i>	3,79	3,11	2,27	
% дисперсии по факторам <i>% variance by factors</i>	29,16	23,92	17,44	
Общий % дисперсии <i>Total % of variance</i>	70,53			

Первый фактор состоит из шести переменных и объясняет более 29 % общей дисперсии. Второй фактор включает четыре переменных с объяснительной дисперсией более 23 %. В третий фактор вошли три переменные с объяснительной силой более 17 %.

С целью подтверждения инвариантности выделенных в рамках эксплораторного анализа факторов был проведен конфирматорный факторный анализ в каждой эмпирической подгруппе. Результаты анализа показали, что процесс итерации по двум моделям сошелся успешно, значение максимума косинуса остатков равно нулю (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели адекватности моделей

Table 3

Main indicators of model adequacy

Статистика Statistics	Русские Russians	Казахи Kazakhs
Максимум косинуса остатков <i>Maximum cosine of residuals</i>	0,00	0,00
Максимальное правдоподобие (Chi-Square) <i>Maximum likelihood (Chi-Square)</i>	4,23	1,36
Степень свободы <i>Degrees of freedom</i>	170,00	123,00
p-level	0,80	0,20
RMSEA	0,09	0,18

Значение статистики χ^2 свидетельствует о достаточной адекватности построенных моделей ($p > 0,05$). Следовательно, разница между корреляционной матрицей исходных данных и корреляционной матрицей, построенной на основе факторных моделей, минимальна, полученные различия случайны. Среднеквадратическая ошибка приближения (RMSEA) – вторая мера согласованности для выборки «Русские» – составила менее 0,1. Это демонстрирует хорошее качество подгонки этой модели.

Вместе с тем для выборки «Казахи» значение статистики RMSEA превысило 0,1, следовательно, данная модель имеет слабое соответствие относительно реально существующей и требует определенной доработки с увеличением выборки исследования.

При следовании дизайну исследования для каждого респондента произведен расчет новых значений (z-баллов) по трем интегральным факторам. По ним осуществлялось сравнение студентов в зависимости от этнической принадлежности и пола (MANOVA). Проверялись три гипотезы: об отдельном влиянии пола на факторы переживания одиночества, об отдельном влиянии этнической принадлежности на факторы переживания одиночества и о совместном влиянии пола и этнической принадлежности на переживание одиночества студентами. Проверка на однородность была установлена посредством критерия Левена ($p > 0,05$). Результаты применения MANOVA демонстрируют, что обнаружено как отдельное, так и совместное влияние факторов (табл. 4).

Таблица 4

Одномерные результаты многофакторного дисперсионного анализа
(*F*-критерий Фишера)

Table 4

Univariate results of multivariate analysis of variance (Fisher's *F*-criterion)

Независимые факторы <i>Independent factors</i>	Депрессивное переживание одиночества <i>Depressive experience of loneliness</i>		Позитивное переживание одиночества <i>Positive experience of loneliness</i>		Переживание одиночества в межличностных отношениях <i>Experience of loneliness in interpersonal relationships</i>	
	<i>F</i>	<i>p</i>	<i>F</i>	<i>p</i>	<i>F</i>	<i>p</i>
Пол <i>Gender</i>	0,084	0,773	5,556	0,020	1,021	0,315
Этническая принадлежность <i>Ethnicity</i>	7,658	0,007	0,252	0,617	0,016	0,901
Пол * Этническая принадлежность <i>Gender * Ethnicity</i>	0,007	0,933	0,885	0,349	3,747	0,046

Графически статистически значимые различия по независимым факторам представлены на рис. 1, 2 и 3.

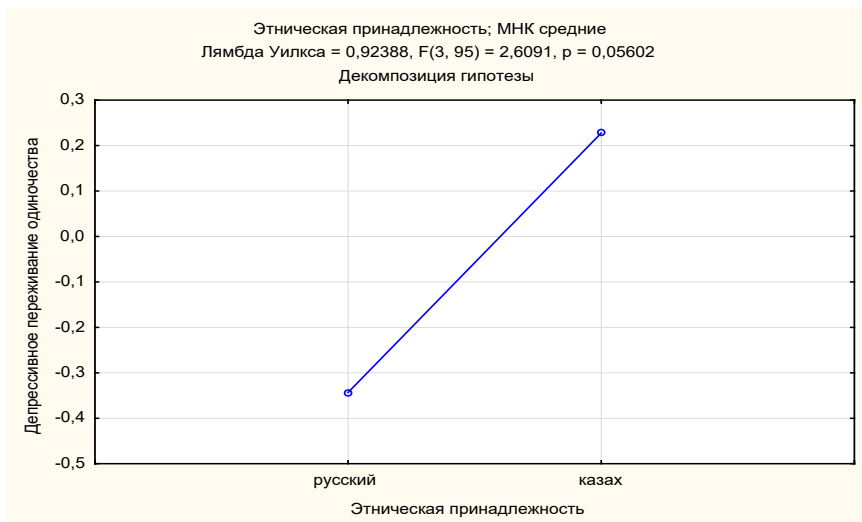

Рис. 1. Различия у студентов в интегральном факторе депрессивного переживания одиночества в зависимости от этнической принадлежности

Fig. 1. Differences among students in the integral factor of depressive experience of loneliness depending on ethnicity

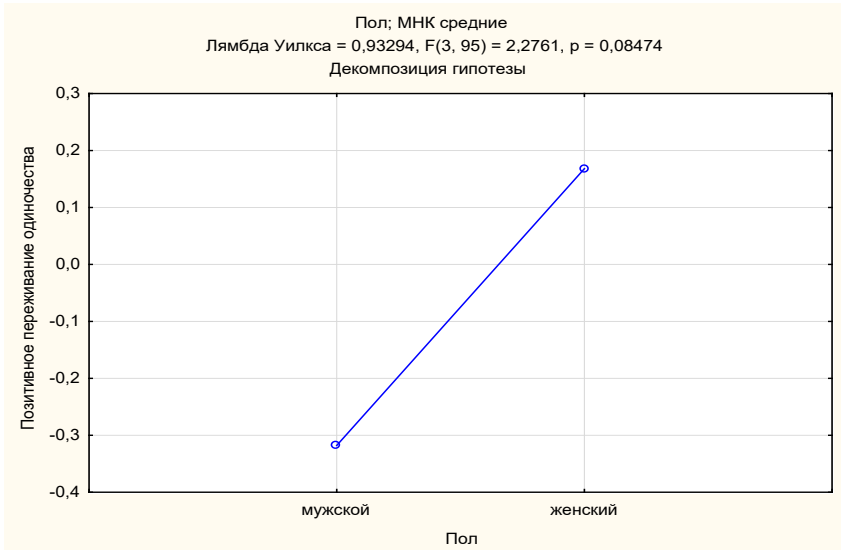

Рис. 2. Различия у студентов в интегральном факторе позитивного переживания одиночества в зависимости от пола

Fig. 2. Differences among students in the integral factor positive experience of loneliness depending on gender

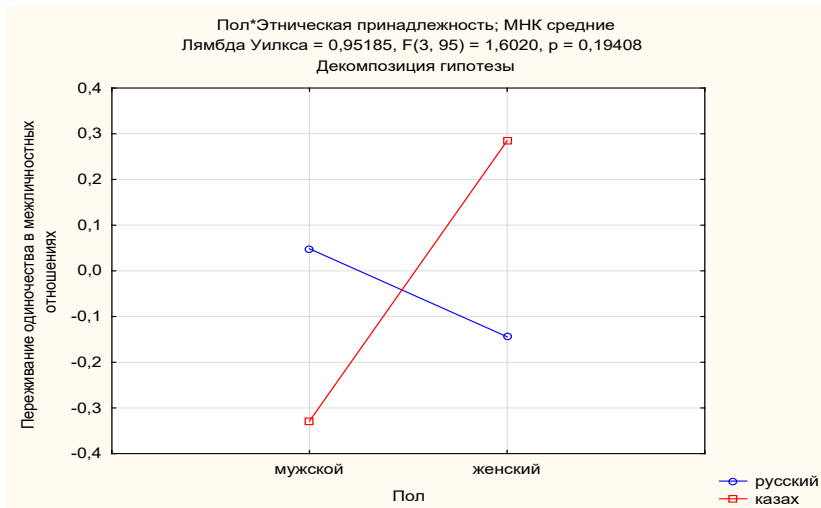

Рис. 3. Различия у студентов в интегральном факторе переживания одиночества в межличностных отношениях в зависимости от пола и этнической принадлежности

Fig.3. Differences among students in the integral factor of experiencing loneliness in interpersonal relationships depending on gender and ethnicity

Обсуждение результатов

Полученные результаты демонстрируют, что в первый фактор с наибольшей объяснительной дисперсией 29,16 % вошли переменные, характеризующие негативные тенденции переживания одиночества с явно выраженным депрессивным контекстом (0,66). Подобный тип переживания одиночества связан с крайне болезненным восприятием одиночества, который свойствен депрессивному типу. При таком виде одиночества субъект отдаляется от взаимодействия с окружающими. Отчуждение (0,81) и изоляция (0,84) провоцируют создание устойчивого образа одинокого человека по отношению к собственной персоне (0,80). Переменные, включенные в первый фактор одиночества, скорее всего, связаны с уходом в себя и избеганием контактов, что, по всей видимости, и вызывает депрессивные чувства. Следовательно, данный фактор можно обозначить как «депрессивное переживание одиночества». Полученные результаты согласуются с исследованиями R. Ma, F. Mann, J. Wang et al. [7], которые показали взаимовлияние переживания одиночества и депрессивной симптоматики.

Второй фактор, имеющий объяснительную силу 23,92 %, включает переменные, связанные с положительным переживанием одиночества. Переменные, имеющие наибольшую нагрузку по данному фактору, отражают позитивное отношение к одиночеству (0,97) и ресурсность одиночества (0,87). Содержание фактора связано с удовольствием и облегчением, возникающим при возможности сосредоточиться на собственных переживаниях (дисфория – 0,53). Судя по включенным во второй фактор переменным, он эксплицирует положительное переживание одиночества, свойственное интровертированному типу личности.

Третий фактор объясняет 17,44 % дисперсии. Составляющие третий фактор переменные связаны с переживанием одиночества как проблемы (0,83), которая, по всей видимости, обусловлена сложностями в межличностных отношениях. В данный фактор с высокими нагрузками включены такие переменные, как зависимость от общения (0,97) и потребность в компании (0,85). Третий фактор описывает потребность в отношениях с окружающими людьми и эмоциональные переживания нарушения в системе установившихся связей. Негативные переживания могут возникнуть, если по каким-то причинам общение становится невозможным и нельзя избежать ситуации уединения. Таким образом, третий фактор демонстрирует проблемное переживание одиночества, связанное с беспокойством по поводу разрыва или потери межличностных контактов.

Далее, следуя дизайну исследования, обсудим обнаруженные статистически значимые различия в зависимости от этнической принадлежности. Влияние этнической принадлежности выявлено только на один из трех

факторов, что может объясняться незначительной разницей между русским и казахским этносами, отнесенными, по исследованиям Т. В. Бендас [23], к промежуточным культурам. Результаты нашего исследования показали, что по фактору депрессивного переживания одиночества обнаружены статистически значимые различия ($p = 0,007$), графически представленные на рис. 1.

В группе респондентов казахского этноса обнаружено крайне негативное восприятие одиночества, актуализирующее депрессивные тенденции и отдаление от взаимодействия с окружающими, что согласуется с исследованиями С. Segrin и соавторов [30]. Подобное отчуждение отражает желание избежать разочарования. Обнаруженные результаты согласуются с исследованием А. Rokach [15]: друзья и семья имеют первостепенное значение в смягчении одиночества в коллективистских культурах, а когда они отсутствуют, одиночество переживается как негативное. Такое переживание одиночества в выборке студентов – представителей казахского этноса – может свидетельствовать о потребности в близких социальных контактах и поддержке семьи как ценности. В ситуации отрыва от семьи и вынужденной изоляции происходит увеличение депрессивной симптоматики и наблюдается более острое переживание одиночества. В данном случае переживание одиночества может стимулировать возникновение виктимных форм поведения с выраженной аутоагрессивной направленностью. Подобные же выводы сделаны в работе М. Zeligman с коллегами [31]. В исследовании Е. С. Chang, L.Wan, P. Li et al. доказано, что статистически значимыми предикторами суицидально рискованного виктимного поведения у студентов колледжа ($N = 228$) выступали одиночество и прогнозирование негативного будущего [32].

Различия у студентов в интегральном факторе позитивного переживания одиночества в зависимости от пола представлены на рис. 2. Позитивное переживание одиночества в большей степени свойственно девушкам, чем юношам ($p = 0,02$). В данном случае можно предположить, что одиночество необходимо для девушек для обращения к внутренним переживаниям, с одной стороны, а с другой стороны, оно выступает в виде мобилизующего ресурса к последующему общению. Так, по данным исследования О. Kornienko, D. R. Schaefer, T. Ha, D. A. Granger [33], девушкам с высоким уровнем одиночества, связанным со стрессом, характерно проявление активности в социальных контактах. Авторы сделали вывод, что одиночество может служить адаптивной функцией в мобилизации ресурсов для удовлетворения потребности социальной принадлежности. В этом контексте можно констатировать что одиночество для девушек обеих национальностей выступает в виде ресурса, подготавливая их к социальным контактам.

Полученные нами результаты согласуются с данными S. Matook, J. Cummings, H. Bala, показывающими, что позитивное переживание оди-

ночества связано с возможностью молодых людей активно использовать социальные сети [34]. Авторы предоставляют информацию о том, что если респондент ориентирован на активное межличностное взаимодействие, то он испытывает негативный аспект одиночества, а социальные сети усугубляют это ощущение. С другой стороны, если участник социальных сетей самораскрывается в них, то у него активизируется позитивный аспект одиночества. Похожие закономерности обнаружены S. T. Child и L. Lawton в исследовании, раскрывающем проблему влияния социальных сетей на снижение негативной симптоматики одиночества у студентов калифорнийского университета [35].

Последующее проведение апостериорных сравнений по *t*-критерию Шеффе показало значимые различия между группами юношей и девушек разной этнической принадлежности ($p < 0,05$). Высокое переживание одиночества, связанное с зависимостью или проблемами в межличностных контактах, характерно для студенток женского пола казахской национальности, которые статистически отличаются от всех остальных респондентов в исследуемой выборке ($p < 0,05$). В меньшей степени выраженность данного фактора обнаружена у юношей той же этнической принадлежности (рис. 3). Интересно, что для студентов мужского пола русского этноса характерно несколько завышенное переживание одиночества из-за проблем в межличностном взаимодействии, чем для студентов мужского пола казахского этноса ($p < 0,05$). Не было обнаружено статистически значимых различий между юношами и девушками русского этноса ($p > 0,05$).

Таким образом, можно предполагать, что для девушек казахской этнической принадлежности отсутствие семейно-клановых межличностных связей усиливает чувство одиночества, тогда как русские девушки вполне комфортно ощущают себя в одиночестве, рассматривая его как вынужденное состояние развитого человека. В исследованиях С. Б. Перевозкина, О. О. Андронниковой и Ю. М. Перевозкиной установлено, что подростки женского пола более ориентированы на межличностную коммуникацию [36]. С. Segrin, N. Nevarez, A. Arroyo, J. Harwood доказывают, что одним из факторов, обуславливающих одиночество среди молодежи, выступают социальные навыки межличностного взаимодействия [30]. Такое положение верно для девушек казахского этноса, придерживающихся номадической культуры. Интересным фактом, обнаруженным в исследовании, стало отрицание этого аспекта культуры казахского народа у юношей данной этнической принадлежности, у которых были зафиксированы самые низкие результаты по данному фактору. Такие результаты могут быть связаны с актуальным в Казахстане направлением западной ориентации на индивидуализм, который в большой степени доступен лицам мужского пола.

Заключение

В процессе исследования установлено, что компонентный состав одиночества может быть представлен тремя факторами. Депрессивное переживание одиночества связано с крайне негативным и болезненным его восприятием. Такое переживание одиночества свойственно депрессивному типу, характеризующемуся виктимными формами поведения и отдаляющемуся от взаимодействия с окружающими. Позитивное переживание одиночества отражает отказ от общения с фиксацией субъекта на внутреннем мире. Индивид получает удовольствие и облегчение от возможности сосредоточиться на собственных переживаниях. В межличностных отношениях демонстрируется проблемное переживание одиночества, связанное с беспокойством по поводу разрыва или потери межличностных контактов.

Многомерный характер феномена одиночества эксплицирует неоднозначность отношения к нему и придает особый вес ценностному отношению к одиночеству в культуре. Наблюдаются различия в переживании одиночества студентами, обусловленные спецификой этнического отношения к одиночеству и его субъективной оценкой. Для респондентов казахского этноса в первую очередь характерна принадлежность к группе, основанная на традиционных устоях казахского народа, которая резко отрицательно влияет на переживание одиночества у молодежи. Это связано у группы казахских студенток с крайне негативным восприятием одиночества, актуализирующим депрессивные тенденции и отдаление от взаимодействия с окружающими. Русские девушки более комфортно ощущают себя в одиночестве.

В меньшей степени специфика номадической культуры оказывает влияние на восприятие юношами-казахами ситуации отдаления от родных и ощущение одиночества как проблемы в межличностных контактах.

В соответствии с полученными данными исследования можно также подтвердить значение полоролевых особенностей для специфики позитивного переживания одиночества, которое в большей степени свойственно девушкам, чем юношам. Двойственный характер позитивного переживания у девушек проявляется в двух аспектах: при обращении к внутренним переживаниям и в виде мобилизующего ресурса к последующему общению. Позитивное одиночество может служить адаптивной функцией в мобилизации ресурсов для развития связей, которые удовлетворяют потребности в социальной принадлежности у девушек обоих этносов.

Полученные результаты могут выступать основой для планирования процесса сопровождения адаптации к учебному учреждению с учетом этнических аспектов субъективного переживания одиночества, объективно-социальных условий и факторов, значимых для коррекции проблемного одиночества и использования ресурсов позитивного одиночества у студен-

тов. Трансформация отношения к одиночеству, снижение его негативных эффектов, развитие позитивных ресурсов могут происходить через осознание собственных этнических традиций и принятие ответственности за организацию жизнедеятельности, что, возможно, позволит трансформировать переживание одиночества из пассивного безысходно-негативного в активно-творческое или спокойно-созерцательное.

Результаты данного исследования позволили расширить понимание одиночества и демонстрируют необходимость дальнейших существенных исследований и теоретических размышлений относительно раскрытия его видов, детерминант и механизмов. Для преодоления ограничений, связанных с пилотажным характером проведенного исследования (ограниченностью выборки), авторы полагают необходимым расширить его в дальнейшем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Diehl K., Jansen C., Ishchanova K., Hilger-Kolb J. Loneliness at Universities: Determinants of Emotional and Social Loneliness among Students // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2018. Vol. 15 (9). Article number 1865. DOI: 10.3390/ijerph15091865
2. Dagnev B., Dagne H. Year of study as predictor of loneliness among students of University of Gondar // *BMC Research Notes*. 2019. Vol. 12 (1). Article number 240. DOI: 10.1186/s13104-019-4274-4
3. Wawera A. S., Mccamley A. Loneliness among international students in the UK Loneliness among international students in the UK // *Journal of Further and Higher Education*. 2019. DOI: 10.1080/0309877X.2019.1673326
4. Hayley A. C., Downey L. A., Stough C., Sivertsen B., Knapstad M., Overland S. Social and emotional loneliness and self-reported difficulty initiating and maintaining sleep (dims) in a sample of Norwegian university students // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2017. Vol. 58. P. 91-99. DOI: 10.1111/sjop.12343
5. Лиджиева О. А., Бейшембиева А. Д., Лиджиев П. Г., Бембетова Б. С., Арджения Я. Т. Проблема одиночества в работах отечественных и зарубежных психологов // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8, № 3А. С. 247-256.
6. Слободчиков И. М. Переживание одиночества в контексте проблем психологической адаптации студентов психолого-педагогических вузов // *Психологическая наука и образование*. 2005. Т. 10, № 4. С. 71-77.
7. Ma R., Mann F., Wang J. et al. The effectiveness of interventions for reducing subjective and objective social isolation among people with mental health problems: a systematic review // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2019. DOI: 10.1007/s00127-019-01800-z
8. Menec V. H., Newall N. E., Mackenzie C. S., Shooshtari S., Nowicki S. Examining individual and geographic factors associated with social isolation and loneliness using Canadian Longitudinal Study on Aging (CLSA) data // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15 (3). Article number e0230673. DOI: 10.1371/journal.pone.0230673

9. Rico-Uribe L. A., Caballero F. F., Martin-Maria N., Cabello M., Ayuso-Mateos J. L., Miret M. Association of loneliness with all-cause mortality: A meta-analysis // PLoS ONE. 2018. Vol. 13. Article number e0190033. DOI: 10.1371/journal.pone.0190033

10. Martin-Maria N., Caballero F. F., Miret M., Tyrovolas S., Haro J., Ayuso-Mateos J., Chatterji S. Differential impact of transient and chronic loneliness on health status. A longitudinal study // Psychology & Health. 2019. Vol. 35 (2). P. 1–19. DOI: 10.1080/08870446.2019.1632312

11. Stickley A., Koyanagi A. Physical multimorbidity and loneliness: A population-based study // PLoS ONE. 2018. Vol. 13. Article number e0191651. DOI: 10.1371/journal.pone.0191651

12. Matthews T., Danese A., Caspi A., Fisher H. L., Goldman-Mellor S., Kępa A., Moffitt T. E., Odgers C. L., Arseneault L. Lonely young adults in modern Britain: Findings from an epidemiological cohort study // Psychological Medicine. 2018. Vol. 49 (2). P. 268–277. DOI: 10.1017/S0033291718000788

13. McIntyre J. C., Worsley J., Corcoran R., Harrison Woods P., Bental R. P. Academic and non-academic predictors of student psychological distress: The role of social identity and loneliness // Journal of Mental Health. 2018. Vol. 27. P. 230–239. DOI: 10.1080/09638237.2018.1437608

14. Wong N. M. L., Yeung P. P. S., Lee T. M. C. A developmental social neuroscience model for understanding loneliness in adolescence // Social Neuroscience. 2018. Vol. 13. P. 94–103. DOI: 10.1080/17470919.2016.1256832

15. Rokach A. The Effect of Gender and Culture on Loneliness: A Mini Review // Emerging Science Journal. 2018. Vol. 2 (2). P. 59–64. DOI: 10.28991/esj-2018-01128

16. Ababu G. B., Yigzaw A. B., Besene Y. D., Alemu W. G. Prevalence of adjustment problem and its predictors among first-year undergraduate students in Ethiopian University: a cross-sectional institution based study // Psychiatry Journal. 2018. Article number 5919743. DOI: 10.1155/2018/5919743

17. Пузанова Ж. В. Одиночество: возможности эмпирического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2008. № 4. С. 28–38.

18. Шагивалеева Г. Р. Культурологическое и психологическое понимание феномена одиночества [Электрон. ресурс] // Концепт. 2013. Спецвыпуск № 01. Article number 13511. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2013/13511.htm> (дата обращения: 10.09.2021).

19. Муртазина И. Р. Представления об одиночестве и особенности его переживания в разные периоды взрослости [Электрон. ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 3. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN321.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

20. Lykes V., Kimmelmeier M. What Predicts Loneliness? Cultural Difference Between Individualistic and Collectivistic Societies in Europe // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2014. Vol. 45 (3). P. 468–490. DOI: 10.1177/0022022113509881

21. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО): структура и свойства // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 55–81.

22. English T., Davis J., Wei M., Gross, J. J. Homesickness and adjustment across the first year of college: A longitudinal study // Emotion. 2017. Vol. 17 (1). P. 1–5. DOI: 10.1037/emo0000235

23. Бендас Т. В. Россия и Казахстан: этнокультурные и гендерные различия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 7. С. 4–7.

24. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. 2-е изд., доп. Москва: URSS, 2008. 440 с.
25. Поздеева Н. С. Место концепта «одиночество» в русской языковой картине мира // Вестник Северного федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 95–98.
26. Абдигалиева Г. К. Актуальные проблемы казахской культурной идентичности. Алматы: КазНУ, 2013. С. 25–29.
27. Алтыбаев А. Б. Особенности казахской ментальности и национальной самоидентификации // Вестник Карагандинского университета. 2006. № 1. С. 142–148.
28. Russell D. The UCLA Loneliness Scale (Version 3): Reliability, validity, and factor structure // Journal of Personality Assessment. 1996. Vol. 66. P. 20–40.
29. Шагивалеева Г. Р. Одиночество и особенности его переживания студентами: монография. Елабуга: Изд-во ОАО «Алмедиа», 2007. 157 с.
30. Segrin C., Nevarez N., Arroyo A., Harwood J. Family of Origin Environment and Adolescent Bullying Predict Young Adult Loneliness // The Journal of Psychology. 2012. Vol. 146 (1-2). P. 119–134. DOI: 10.1080/00223980.2011.555791
31. Zeligman M., Varney M., Gheesling S., Placeres V. Trauma, meaning making, and loneliness in college students // Journal of College Student Psychotherapy. 2018. Vol. (33) 4. P. 319–331. DOI: 10.1080/87568225.2018.1523700
32. Chang E. C., Wan L., Li P., Guo Y., He J., Gu Y., Wang Y., Li X., Zhang Z., Sun Y., Batterbee C. N.-H., Chang O. D., Lucas A. G., Hirsch J. K. Loneliness and Suicidal Risk in Young Adults: Does Believing in a Changeable Future Help Minimize Suicidal Risk Among the Lonely? // The Journal of Psychology. 2017. Vol. 151 (5). P. 453–463. DOI: 10.1080/00223980.2017.1314928
33. Kornienko O., Schaefer D. R., Ha T., Granger D. A. Loneliness and cortisol are associated with social network regulation // Social Neuroscience. 2020. Vol. 15 (45). P. 1–13. DOI: 10.1080/17470919.2019.1709540
34. Matook S., Cummings J., Bala H. Are You Feeling Lonely? The Impact of Relationship Characteristics and Online Social Network Features on Loneliness // Journal of Management Information Systems. 2015. Vol. 31 (4). P. 278–310. DOI: 10.1080/07421222.2014.1001282
35. Child S. T., Lawton L. Loneliness and social isolation among young and late middle-age adults: Associations with personal networks and social participation // Aging & Mental Health. 2019. Vol. 23 (2). P. 196–204. DOI: 10.1080/13607863.2017.1399345
36. Перевозкин С. Б., Андронникова О. О., Перевозкина Ю. М. Ролевая структура подростков в межличностном взаимодействии // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. № 1. (8). С. 23–44. DOI: 10.15293/2226-3365.1801.02

References

1. Diehl K., Jansen C., Ishchanova K., Hilger-Kolb J. Loneliness at universities: Determinants of emotional and social loneliness among students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2018; 15 (9): 1865. DOI: 10.3390/ijerph15091865
2. Dagne B., Dagne H. Year of study as predictor of loneliness among students of University of Gondar. *BMC Research Notes*. 2019; 12 (240). DOI: 10.1186/s13104-019-4274-4
3. Wawera A. S., Mccamley A. Loneliness among international students in the UK loneliness among international students in the UK. *Journal of Further and Higher Education*. 2019; 44 (9): 1262–1274. DOI: 10.1080/0309877X.2019.1673326

4. Hayley A. C., Downey L. A., Stough C., Sivertsen B., Knapstad M., Overland S. Social and emotional loneliness and self-reported difficulty initiating and maintaining sleep (difs) in a sample of Norwegian university students. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2017; 58 (1): 91–99. DOI: 10.1111/sjop.12343
5. Lidzhieva O. A., Beishembieva A. D., Lidzhiev P. G., Bembetova B. S., Ardzheniya Ya. T. The problem of loneliness in the work of the domestic and foreign psychologists. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches*. 2019; 8 (3A): 247–256. (In Russ.)
6. Slobodchikov I. M. The experience of loneliness in a context of problems of psychological adaptation of students of psychological-and-pedagogical universities. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2005; 10 (4): 71–77. (In Russ.)
7. Ma R., Mann F., Wang J., et al. The effectiveness of interventions for reducing subjective and objective social isolation among people with mental health problems: A systematic review. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology: The International Journal for Research in Social and Genetic Epidemiology and Mental Health Services*. 2019; 55: 839–876. DOI: 10.1007/s00127-019-01800-z
8. Menec V. H., Newall N. E., Mackenzie C. S., Shoostari S., Nowicki S. Examining individual and geographic factors associated with social isolation and loneliness using Canadian Longitudinal Study on Aging (CLSA) data. *PLoS ONE*. 2020; 15 (3): e0230673. DOI: 10.1371/journal.pone.0230673
9. Rico-Urbe L. A., Caballero F. F., Martin-Maria N., Cabello M., Ayuso-Mateos J. L., Miret M. Association of loneliness with all-cause mortality: A meta-analysis. *PLoS ONE*. 2018; 13: e0190033. DOI: 10.1371/journal.pone.0190033
10. Martín-María N., Caballero F. F., Miret M., Tyrovolas S., Haro J., Ayuso-Mateos J., Chatterji S. Differential impact of transient and chronic loneliness on health status. A longitudinal study. *Psychology & Health*. 2019; 35 (2): 1–19. DOI: 10.1080/08870446.2019.1632312
11. Stickley A., Koyanagi A. Physical multimorbidity and loneliness: A population-based study. *PLoS ONE*. 2018; 13: e0191651. DOI: 10.1371/journal.pone.0191651
12. Matthews T., Danese A., Caspi A., Fisher H. L., Goldman-Mellor S., Képa A., Moffitt T. E., Odgers C. L., Arseneault L. Lonely young adults in modern Britain: Findings from an epidemiological cohort study. *Psychological Medicine*. 2018; 49 (2): 268–277. DOI: 10.1017/S0033291718000788
13. McIntyre J. C., Worsley J., Corcoran R., Harrison Woods P., Bental R. P. Academic and non-academic predictors of student psychological distress: The role of social identity and loneliness. *Journal of Mental Health*. 2018; 27: 230–239. DOI: 10.1080/09638237.2018.1437608
14. Wong N. M. L., Yeung P. P. S., Lee T. M. C. A developmental social neuroscience model for understanding loneliness in adolescence. *Social Neuroscience*. 2018; 13: 94–103. DOI: 10.1080/17470919.2016.1256832
15. Rokach A. The effect of gender and culture on loneliness: A mini review. *Emerging Science Journal*. 2018; 2 (2): 59–64. DOI: 10.28991/esj-2018-01128
16. Ababu G. B., Yigzaw A. B., Besene Y. D., Alemu W. G. Prevalence of adjustment problem and its predictors among first-year undergraduate students in Ethiopian University: A cross-sectional institution based study. *Psychiatry Journal*. 2018; 59:19743. DOI: 10.1155/2018/5919743
17. Puzanova Zh. V. Loneliness: The possibility of empirical research. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of RUDN University. Series: Sociology*. 2008; 4: 28–38. (In Russ.)

18. Shagivaleeva G. R. Cultural and psychological understanding of the phenomenon of loneliness. *Kontsept = Concept* [Internet]. 2013 [cited 2021 Sept 10]; Special issue no. 01: 13511. Available from: <http://e-kontsept.ru/2013/13511.htm> (In Russ.)
19. Murtazina I. R. Ideas of loneliness and peculiarities of its experience by people in different periods of adulthood. *Mir nauki. Pedagogika i psihologija = World of Science. Pedagogy and Psychology* [Internet]. 2021 [cited 2021 Sept 10]; 9 (3). Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN321.pdf> (In Russ.)
20. Lykes V., Kimmelmeier M. What predicts loneliness? Cultural difference between individualistic and collectivistic societies in Europe. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2014; 45 (3): 468–490. DOI: 10.1177/0022022113509881
21. Osin E. N., Leontyev D. A. Multidimensional inventory of loneliness experience: Structure and properties. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2013; 10 (1): 55–81. (In Russ.)
22. English T., Davis J., Wei M., Gross, J. J. Homesickness and adjustment across the first year of college: A longitudinal study. *Emotion*. 2017; 17 (1): 1–5. DOI: 10.1037/emo0000235
23. Bendas T. V. Russia and Kazakhstan: Ethnocultural and gender differences. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*. 2003; 7: 4–7. (In Russ.)
24. Bromley Yu. V. Oчерки teorii jetnosa = Essays on the theory of ethnos. 2nd ed. Moscow: URSS; 2008. 440 p. (In Russ.)
25. Pozdeeva N. S. The place of the concept of “loneliness” in the Russian language picture of the world. *Vestnik Severnogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Bulletin of the Northern Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2011; 2: 95–98. (In Russ.)
26. Abdigalieva G. K. Aktual'nye problemy kazahskoj kul'turnoj identichnosti = Actual problems of Kazakh cultural identity. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University; 2013. p. 25–29. (In Russ.)
27. Altybaev A. B. Features of the Kazakh mentality and national self-identification. *Vestnik Karagandinskogo universiteta = Bulletin of the Karaganda University*. 2006; (1): 142–148. (In Russ.)
28. Russell D. The UCLA Loneliness Scale (Version 3): Reliability, validity, and factor structure. *Journal of Personality Assessment*. 1996; 66: 20–40.
29. Shagivaleeva G. R. Oдиночество i osobennosti ego perezhivaniya studentami = Loneliness and features of its experience by students. Elabuga: OAO “Almedia”; 2007. 157 p. (In Russ.)
30. Segrin C., Nevarez N., Arroyo A., Harwood J. Family of origin environment and adolescent bullying predict young adult loneliness. *The Journal of Psychology*. 2012; 146 (1-2): 119–134. DOI: 10.1080/00223980.2011.555791
31. Zeligman M., Varney M., Gheesling S., Placeres V. Trauma, meaning making, and loneliness in college students. *Journal of College Student Psychotherapy*. 2018; 33 (4): 319–331. DOI: 10.1080/87568225.2018.1523700
32. Chang E. C., Wan L., Li P., Guo Y., He J., Gu Y., Wang Y., Li X., Zhang Z., Sun Y., Batterbee C.N.-H., Chang O. D., Lucas A. G., Hirsch J. K. Loneliness and suicidal risk in young adults: Does believing in a changeable future help minimize suicidal risk among the lonely? *The Journal of Psychology*. 2017; 151 (5): 453–463. DOI: 10.1080/00223980.2017.1314928

33. Kornienko O., Schaefer D. R., Ha T., Granger D. A. Loneliness and cortisol are associated with social network regulation. *Social Neuroscience*. 2020; 15 (45): 1–13. DOI: 10.1080/17470919.2019.1709540

34. Matook S., Cummings J., Bala H. Are you feeling lonely? The impact of relationship characteristics and online social network features on loneliness. *Journal of Management Information Systems*. 2015; 31 (4): 278–310. DOI: 10.1080/07421222.2014.1001282

35. Child S. T., Lawton L. Loneliness and social isolation among young and late middle-age adults: Associations with personal networks and social participation. *Aging & Mental Health*. 2019; 23 (2): 196–204. DOI: 10.1080/13607863.2017.1399345

36. Perevozkin S. B., Andronnikova O. O., Perevozkina Yu. M. The role structure of adolescents in interpersonal interaction. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*. 2018; 8 (1): 23–44. DOI: 10.15293/2226-3365.1801.02 (In Russ.)

Информация об авторах:

Забродин Юрий Михайлович – доктор психологических наук, профессор, советник при ректорате, Московский государственный психолого-педагогический университет; ORCID 0000-0002-2247-0578; Москва, Россия. E-mail: zabrodinym@mgppu.ru

Солдатова Елена Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID 0000-0002-3902-0557; Санкт-Петербург, Россия. E-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; ORCID 0000-0002-1756-7682; Новосибирск, Россия. E-mail: andronnikova_69@mail.ru

Перевозкина Юлия Михайловна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; ORCID 0000-0003-4201-3988; Новосибирск, Россия. E-mail: per@bk.ru

Вклад соавторов:

Ю. М. Забродин – построение методологических стратегий исследования.

Е. А. Солдатова – разработка теоретико-методологических оснований исследования.

О. О. Андронникова – теоретический анализ проблемы исследования в отечественной науке и зарубежной, объяснение полученных данных.

Ю. М. Перевозкина – построение и обоснование математических моделей, объяснение полученных данных.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022; поступила после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 07.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Yuri M. Zabrodin – Dr. Sci. (Psychology), Professor, Adviser to the Administration, Moscow State University of Psychology & Education; ORCID 0000-0002-2247-0578; Moscow, Russia. E-mail: zabrodinym@mgppu.ru

Elena L. Soldatova – Dr. Sci. (Psychology), Professor, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University; ORCID 0000-0002-3902-0557; Saint-Petersburg, Russia. E-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Olga O. Andronnikova – Cand. Sci. (Psychology), Leading Research Associate, Dean of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; ORCID 0000-0002-1756-7682; Novosibirsk, Russia. E-mail: andronnikova_69@mail.ru

Yuliya M. Perevozkina – Dr. Sci. (Psychology), Leading Research Associate, Head of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; ORCID 0000-0003-4201-3988; Novosibirsk, Russia. E-mail: per@bk.ru

Contribution of the authors:

Yu. M. Zabrodin – construction of methodological research strategies.

E. L. Soldatova – development of theoretical and methodological foundations of the study.

O. O. Andronnikova – theoretical analysis of the research problem in Russian and foreign science, explanation of the data obtained.

Yu. M. Perevozkina – construction and justification of mathematical models, explanation of the data obtained.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 27.07.2022; revised 23.11.2022; accepted for publication 07.12.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

Información sobre los autores:

Zabrodin Yury Mijailovich: Doctor en Psicología, Profesor, Asesor del Rectorado, Universidad Estatal de Psicología y Educación de Moscú; ORCID 0000-0002-2247-0578; Moscú, Rusia. Correo electrónico: zabrodinym@mgppu.ru

Soldatova Elena Leonidovna: Doctora en Psicología, Profesora, Profesora de la Facultad de Psicología de la Universidad Estatal de San Petersburgo; ORCID 0000-0002-3902-0557; San Petersburgo, Rusia. Correo electrónico: e.l.soldatova@spbu.ru

Andronnikova Olga Olegovna: Candidata a Ciencias en Psicología, Profesora Asociada, Decana de la Facultad de Psicología, Universidad Pedagógica Estatal de Novosibirsk; ORCID 0000-0002-1756-7682; Novosibirsk, Rusia. Correo electrónico: andronnikova_69@mail.ru

Perevozkina Yulia Mijailovna: Doctora en Psicología, Profesora Asociada, Jefa del Departamento de Psicología Práctica y Especial, Universidad Pedagógica Estatal de Novosibirsk; ORCID 0000-0003-4201-3988; Novosibirsk, Rusia. Correo electrónico: per@bk.ru

Contribución de coautoría:

Yu. M. Zabrodin: Elaboración de estrategias metodológicas de investigación.

E. L. Soldatova: Desarrollo de fundamentos teóricos y metodológicos del estudio.

O. O. Andronnikova: Análisis teórico del problema de investigación en ciencia nacional y extranjera, explicación de los datos obtenidos.

Yu. M. Perevozkina: Elaboración y justificación de los modelos matemáticos, explicación de los datos obtenidos

Información sobre conflicto de intereses. Los autores declaran no tener conflicto de intereses.

El artículo fue recibido por los editores el 27/07/2022; recibido después de la revisión por los pares el 23/11/2022; aceptado para publicación el 07/12/2022.

Los autores leyeron y aprobaron la versión final del manuscrito.